

ВОРОНИН Всеволод Евгеньевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Московского педагогического государственного университета (119991, Россия, г. Москва, ул. М. Пироговская, 1, стр. 1; vsevolodvoronin@yandex.ru)

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ РАДИЩЕВ И ЕГО ЗАМЫСЛЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА РОССИИ

Аннотация. В статье показана эволюция взглядов А.Н. Радищева на перспективы политического переустройства России в 1780-х гг. на основе сравнительного анализа содержания оды «Вольность» (1783) и книги «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790). Как мыслитель и литератор, Радищев шел по пути отказа от радикальных замыслов разрушения российской имперской государственности в пользу дальнейшего развития просвещения и обеспечения верховенства закона во всех сферах жизни общества.

Ключевые слова: Россия, А.Н. Радищев, ода «Вольность», «Путешествие из Петербурга в Москву», просвещение, закон

Война за независимость Северной Америки 1775–1783 гг. и политico-правовое оформление федеративной Американской республики, а также начавшаяся вскоре Великая французская революция встретили живой отклик в среде русской дворянской интеллигенции. Начальник Петербургской таможни Александр Николаевич Радищев, который еще в юные годы, обучаясь в Лейпцигском университете, увлеченно штудировал труды французских просветителей, горячо приветствовал победу американской революции. Последняя вдохновила его на написание оды «Вольность» (1783) и конструирование планов перехода России к республиканскому образу правления. В оде «Вольность» Радищев предрекал свержение и казнь царя-деспота — «преступника» и «мучителя», отнявшего у народа его священные права и обреченного идти «на плаху» на глазах ликующих народов [Радищев 1978: 193–194].

Радищев похвалил «злодея» Кромвеля, который хотя и разрушил «твердь свободы», но сначала все-таки отомстил королю за порабощение народа («Карла на суде казнил»), и славил Вашингтона — «воина непоколебимого», чей «вождь — свобода» [Радищев 1978: 196, 200]. Предсказывая неизбежное падение монархии и переход к республиканскому правлению, он изображал грядущее народовластие в виде бурного «веча», которое «престол чугунный разрушает» и «законом строит твердь природы» [Радищев 1978: 196–197].

Но торжество народовластия отнюдь не предотвращало, а наоборот, влекло за собой, по мнению автора оды, последующий распад страны и сопряженные с ним бедствия. Правда, Радищев возлагал вину за будущую катастрофу на старый деспотический режим и надеялся на то, что расчленение великой державы приведет к умиротворению ее народов и установлению дружеских отношений между разными частями бывшего государства. Говоря о разрушении «союза» и крушении общего «закона», автор оды предсказывал, что «блести всяк будет свою часть». Эта катастрофа породит новые небольшие страны — «возникнут малые светила», которые «незыблемы свои кормила украсят дружества венцом», но одновременно истребят остатки былой деспотической государственности — «волка хищного задавят, что чтил слепец своим отцом» [Радищев 1978: 205].

Впрочем, через несколько лет в знаменитой книге «Путешествие из

Петербурга в Москву» (1790), навеянной первыми событиями Великой французской революции, Радищев отрекся от своей недавней радикальной концепции. Он отказывался от собственной свободолюбивой оды, приписав авторство «товаришу», с которым, согласно сюжету, обедал в тверском трактире [Радищев 1978: 141–144]. Свои былые пророчества о «малых светилах» автор откомментировал сухо и безучастно, охарактеризовав их как «прорицания о будущем жребии отечества, которое разделится на части, и тем скорее, чем будет пространнее. Но время еще не пришло». Радищев также отмежевался от мечтаний о развале страны, заметив, что, хотя и не успел высказать автору, все-таки имел «неприятное на стихи его возражение» [Радищев 1978: 152, 153]. Поправивший первый русский революционер искал мирные средства обретения «вольности». Он упował на благие перемены во внутреннем устройстве в силу успехов «просвещения» и подчеркивал, что свобода и законность не уничтожают, а укрепляют государственную власть. Такую компромиссную программу, состоявшую главным образом в обеспечении свободы слова и печати, Радищев почти слово в слово заимствовал из трактата умеренного немецкого философа-просветителя И. Гердера «О влиянии правительства на науки и наук на правительство» (1780) [Herder 1982: 239–340] и вложил ее в уста еще одного персонажа, встреченного в Торжке: «Исправление может только совершиться просвещением. [...] Чем государство основательнее в своих правилах, чем стройнее, светлее и тверже оно само в себе, тем менее может оно позыбнуться и страсти ся от дуновения каждого мнения, от каждой насмешки разъяренного писателя; тем более благоволит оно в свободе мыслей и в свободе писаний. [...] Правитель государства да будет беспристрастен во мнениях, дабы мог объяти мнения всех и оные в государстве своем дозволять, просвещать и наклонять к общему добру» [Радищев 1978: 118].

Начавшаяся во Франции революция вызвала у Радищева настороженную реакцию. Памятуя, какой свирепой была французская цензура «до перемены 1789 года», он заметил, что наступившая «вольность» не привела к отмене цензуры, а лишь переподчинила ее «народному собранию», которое повело себя «самодержавно, как доселе их государь», и ополчилось на неудобного «сочинителя». Таковым оказался якобинец Ж.-П. Марат – издатель газеты «Друг народа». Его книга с резкой критикой в адрес Национального собрания должна была изыматься, автору грозила тюрьма. Прежде в парижской крепости-тюрьме Бастилии томились политические заключенные – по словам Радищева, «несчастные, дерзнувшие охуждать хищность министров и их распутство». Теперь приходилось сожалеть, что Франция и после недавней «перемены» не стала свободной страной: «О Франция! ты еще хождаешь близ Бастильских пропастей» [Радищев 1978: 134–136]. Автор «Путешествия...» воочию убедился, что не только монархическая власть, но и революционная власть «народа» может ущемлять народные права. Впрочем, связка данного сюжета останется далеко за рамками радищевского повествования.

Отвергая всякий произвол, как монархический, так и революционный, Радищев вложил в уста крестьянского дворянина слова в защиту верховенства закона и признание обязательности его исполнения, даже если это закон абсолютистской монархии: «Закон, каков ни худ, есть связь общества. И если бы сам государь велел тебе нарушить закон, не повинуйся ему. [...] Да уничтожит закон, яко же нарушение оного повелевает, тогда повинуйся, ибо в России государь есть источник законов» [Радищев 1978: 77].

Итак, зная пороки современного ему общественного устройства, литератор и мыслитель тем не менее призывал воздержаться от попрания старых, даже крайне несовершенных политico-правовых норм до их легальной замены новыми. Ненавидя крепостное право и гневно протестуя против дикого помещичьего произвола, Радищев все-таки шел по пути отказа от радикальных замыслов разрушения российской имперской государственности в пользу дальнейшего развития просвещения и обеспечения верховенства закона во всех сферах жизни общества. Правда, ни декларируемое в «Путешествии...» законопослушание, ни отказ от замыслов уничтожения самодержавия вкупе с созданием на месте империи целого ряда небольших новых государств не спасли Радищева от гнева Екатерины II. «Бунтовщик, хуже Пугачева», – так нарекла императрица строптивого писателя, а затем сурово покарала его за вольнодумную лирику и масонские связи. В именном указе Сенату от 4 сентября 1790 г. «О наказании коллежского советника Радищева...» говорилось, что тот «оказался в преступлении противу присяги его и должности подданного, изданием книги под названием: Путешествие из Петербурга в Москву, наполненной самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвести в народе негодование противу начальников и начальства, и наконец оскорбительными и неистовыми изражениями противу сана и власти Царской». Смертный приговор Радищеву, вынесенный Палатой уголовных дел Санкт-Петербургской губернии, был признан заслуженным, но заменялся лишением чинов, знаков ордена Св. Владимира, дворянского титула и 10-летней ссылкой в Илимский острог¹. Следует отметить, что в основу обвинений были положены прежние изречения Радищева из оды «Вольность». Ода прилагалась к тексту «Путешествия...», но автор книги решительно оспаривал свои же прежние замыслы. В итоге, Радищев стал жертвой несчастного стечения обстоятельств.

Тем временем в царской семье рос свой «бунтовщик». Старший внук императрицы великий князь Александр Павлович (будущий император Александр I) с легкой руки воспитателя швейцарца Ф. Лагарпа стал в юности убежденным республиканцем. Идеи просветителей Лагарп излагал своему питомцу в их радикально-демократическом – руссоистском – варианте. Но никакого наказания за это не последовало. Екатерина Великая верила республиканцу Лагарпу и благоволила к нему намного больше, нежели к законопослушному, но лично ей не знакомому «бунтовщику» Радищеву. Узнав от бдительных доносчиков из числа придворных о чрезмерно «либеральных» высказываниях Лагарпа и его связях с единомышленниками на родине и во Франции, она с беспримерным благодушием выказала воспитателю любимых внуков свою искреннюю личную симпатию. «Месье, – произнесла императрица, – будьте якобинцем, республиканцем, всем, кем вам заблагорассудится; я полагаю, что вы честный человек, этого мне достаточно» [Ляшенко 2014: 48-49].

Список литературы

- Ляшенко Л.М. 2014. *Александр I: Самодержавный республиканец*. М.: Молодая гвардия. 347 с.
Радищев А.Н. 1978. *Путешествие из Петербурга в Москву*. М.: Правда. 208 с.

---

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. XXIII. С 1789 по 6 ноября 1796. СПб.: Тип. II Отделения С.Е.И.В. Канцелярии. 1830. С. 168.

Herder J. 1982. *Herders Werke in fünf Bänden*. Berlin, Weimar: Aufbau-Verlag.
Bd. 3. 466 s.

VORONIN Vsevolod Evgenievich, Dr.Sci. (Hist.), Professor of the Chair of History of Russia, Moscow State Pedagogical University (bld. 1, 1 Malaya Pirogovskaya St, Moscow, Russia, 119991; vsevolodvoronin@yandex.ru)

ALEKSANDR NIKOLAEVICH RADISHCHEV AND HIS PLANS FOR THE POLITICAL REORGANIZATION OF RUSSIA

Abstract. The article shows the evolution of A.N. Radishchev's views on the prospects of Russia's political reconstruction in the 1780s based on a comparative analysis of the contents of the ode «Liberty» (1783) and the book «Journey from St. Petersburg to Moscow» (1790). Radishchev as a thinker and writer followed the path of abandoning radical plans to destroy the Russian imperial statehood in favor of further developing education and ensuring the rule of law in all spheres of society.

Keywords: Russia, A.N. Radishchev, ode «Liberty», «Journey from St. Petersburg to Moscow», education, law